

ДЕРЕВО

Мише, его сыну, Саше и их дереву

Афанасий Валерьяныч встал с постели, а прямо из макушки у него росло дерево. Он почесал макушку и пошел в душ, потому что известно, что растения надо поливать. Во время завтрака Афанасий Валерьяныч чувствовал, что дерево все сильнее укореняется в нем, прорастает аж в самый позвоночник. Но неудобств это не вызывало, даже наоборот, в приятной неге слегка ломило кости. Одевшись и уже выходя из дома, Афанасий Валерьяныч посмотрел в зеркало и убедился, что дерево и правда заметно подросло. Чтобы пролезть в дверной проем, Афанасию Валерьянычу пришлось немного пригнуться, чего он никогда раньше не делал, будучи ростом уверенно ниже среднего. А входя в лифт, он поймал себя на мысли, что ведет себя так, будто носит на голове рога и теперь вынужден кланяться невидимому оппоненту, перед тем как, взбрыкнув копытом, нанести ему смертоносный удар. Но в лифте никого, кроме отражения Афанасия Валерьяныча и его дерева, не было. Поэтому вместо поединка оппоненты вежливо скрестили макушки своих растений и в полной тишине, вчетвером, заскользили в кабине лифта вниз.

На остановке трамвая Афанасий Валерьяныч встал сначала под навес, но дерево скребло крышу, и он отошел чуть поодаль. Тем более что и пря-

таться от дождика не надо – погода солнечная, расчудесная, а растениям ведь, как известно, необходимо солнечное тепло. Афанасий Валерьяныч смотрел вдаль, в точку, в которой рельсы сливаются и из которой должен возникнуть будущий трамвай. Но трамвай все не возникал, зато на другой стороне улицы возник человек в кепке. Он шел мимо, шел по своим делам. Во рту у него была папироса, а в руке – пила, скорее всего, напрямую с его делами связанная. Увидев Афанасия Валерьяныча, человек с пилой вдруг резко сошел со своего маршрута и наперерез рельсам пошел в сторону остановки.

– Эй, ты, с деревом на голове! – закричал человек с пилой, зачем-то еще указывая на Афанасия Валерьяныча двумя пальцами с дымящейся сигаретой в них.

Афанасий Валерьяныч покрутил головой на всякий случай, хотя на остановке не было не только никого другого с деревом на голове, на остановке вообще никого больше не было! Хотя теперь уже был... Человек с пилой схватил Афанасия Валерьяныча за ствол и вот так бесцеремонно поволок его к рельсам.

– Ша, погоди, – приговаривал он при этом, – ша мы тебе эту хрень отпилим.

Тут Афанасий Валерьяныч подумал, что это и правда логичный способ избавиться от дерева, но почему-то раньше ему это в голову не приходило. А не приходило потому, подумал про себя Афанасий

Валерьяныч, что избавляться от своего дерева он и не собирался.

– У вас пила ржавая! – закричал он, вырвался из ослабших на мгновение рук и что есть силы побежал вдоль рельсов, к точке, где никак не зарождался трамвай.

Через какое-то время, не чуя за собой погони, Афанасий Валерьяныч обернулся и увидел человека с пилой. Тот стоял у остановки, посреди рельсов, и тщательно высматривал на своей безупречно заточенной и блестящей пиле следы мнимой ржавчины.

Сначала он услышал, как трамвай ему звенит, чтоб он посторонился, а потом уже, подняв голову, которая становилась все тяжелее, увидел и сам трамвай, и его вагоновожатую. В яркой оранжевой безрукавке поверх грубого цветастого свитера, она отчаянно махала ему и что-то, скорее всего, нецензурно кричала. С рельсов он тем не менее не сходил, и не потому, что такой принципиальный, а потому, что в буквальном смысле в них врос. Трамвай, тем временем не переставая звенеть, начал еще и скрежетать тормозными колодками. Рассекая искры, он надвигался грозно, но все тише и тише, и остановился аккуратно перед Афанасием Валерьянычем, разве что чуть толкнув того в грудь.

– Мужик, ну ты чего? – кричала на него вагоновожатая. – Не будь ты деревом, начисто бы тебя снесла!

Афанасий Валерьяныч пришел в себя, гордо встряхнул листьями и, словно не замечая вагоновожатой, вошел в трамвайную дверь.

– И за цветок в горшке оплачиваем проезд, – даже не глядя на него, резюмировала кондуктор, когда Афанасий Валерьяныч протянул ей мелочь, специально заготовленную для этого в правом кармане брюк.

– У меня нет горшка, – попробовал сопротивляться он, но кондуктор, снова не глядя, ткнула пальцем куда-то в район его головы.

– А это что тогда такое?

Афанасий Валерьяныч мог, конечно, попытаться дать этому какое-то объяснение, но не стал. Полез в левый карман за мелочью, специально заготовленной на обратную поездку. Его дерево уже столько раз его выручало, что вполне заслуживало отдельного места в трамвае. В этот момент Афанасий Валерьяныч чувствовал полное единение со своим деревом, но не потому, что все больше в дерево превращался, а наоборот – у него появилось ощущение, что и дерево становилось Афанасием Валерьянычем в той же мере, в кой Афанасий Валерьяныч становился им.

На проходной старый охранник Сеня, с которым они знали друг друга уже тысячу лет, вдруг поманил указательным пальцем Афанасия Валерьяныча и потребовал:

– Документики.

– Сеня, вы разве не видите, это же я... – пытался апеллировать Афанасий Валерьяныч, но документики мигом достал и приложил к окошку охранничьей будки.

– Ну, предположим, то, что ты Афанасий Валерьяныч, я и так вижу, но ты лучше не виляй, Афанасий, а скажи, как я могу пустить тебя на ответственный объект с посторонним предметом на голове? Тем более с деревом! Ведь это легковоспламеняющееся твердое вещество! Или совсем разжижело вещество твое серое? А?

И старый охранник Сеня высунулся из окошка охранничьей будки и пропахшими табаком пальцами постучал по коре дерева, проверил, твердым ли был ствол. Ствол оказался твердым, но как будто полым, будто не дерево это вовсе, а какой-то бамбук. Эхо от этих постукиваний гулко нависло над проходной, как шепот старых монахинь в пустом храме.

– Так! Что тут у нас происходит? – В проходную ворвался начальник ответственного объекта с модным каре и свитой из бухгалтерш и секретарш. – Нет, я, конечно, все понимаю, Афанасий Валерьяныч, вы, конечно, не совсем вдрабадан пьяным на работу явились...

– Но я абсолютно трезв... – пытался возражать Афанасий Валерьяныч.

– Вот я и говорю, совсем почти не пьяный, но все же, Афанасий Валерьяныч, на ответственную работу с деревом, тем более на голове... Это, согласитесь, уже непорядок, и я считаю своей прямой обязанностью немедленно и со всей строгостью...

Тут начальник ответственного объекта ушел в пике одной из своих спонтанных и вдохновенных тирад. Бухгалтерши и секретарши делали беглые пометки в блокнотах, а Афанасий Валерьяныч впал в привычный для него во время таких тирад транс. Только теперь его еще осеняла приятной тенью крона – пусть и не вечнозеленого, но навеки с ним породнившегося дерева.

– Пожарная безопасность! – то ли сообщил свое кредо, то ли доложил о прибытии человек в полном обмундировании пожарного. Вполне вероятно, он сделал и то и другое сразу.

– Отлично! – обрадовался начальник ответственного объекта. – Вы как раз вовремя!

– А где пожар? – как будто даже расстроился пожарный.

Я и мое дерево не представляем никакой угрозы... – Он начал понемногу пятиться назад. – Его кора обладает прекрасной противопожарной изоляцией... – Тут он уперся в стену из строчивших что-то в свои блокноты бухгалтерш и секретарш. Дальше отступить было некуда. – В конце концов, нельзя просто так размахивать топором перед лицом невинного человека!..

– Вот! – кивнул начальник ответственного объекта на Афанасия Валерьяныча. – Потенциальный. Тяжелой походкой, похожий в своем скафандре на космонавта, пожарный направился в сторону Афанасия Валерьяныча, на ходу высвобождая висящий на поясе топор.

– Послушайте, – не на шутку взволновался Афанасий Валерьяныч, – я и мое дерево не представляем никакой угрозы... – Он начал понемногу пятиться назад. – Его кора обладает прекрасной противопожарной изоляцией... – Тут он уперся в стену из строчивших что-то в свои блокноты бухгалтерш и секретарш. Дальше отступить было некуда. – В конце концов, нельзя просто так размахивать топором перед лицом невинного человека!..

Но все доводы были напрасны. Пожарный надвигался на Афанасия Валерьяныча с каким-то диковатым задором в глазах. Было ясно – этот лучше всего тушит те пожары, которые сам же и раздувает.

– Эй! – раздался вдруг уверенный в себе, или, скорее, в своем обладателе голос. – Ну-ка, не трожь дерево! – Старый охранник Сеня вышел из охранничьей будки с карабином наперевес и, не сводя глаз с пожарного с топором, сказал Афанасию Валерьянычу: – Ты тикай помаленьку отсюда, а я за этими тут пригляжу пока...

Выдалось раз такое дело – нежданно выпал в календарной лотерее выходной, значит, надо отдыхать! И Афанасий Валерьяныч вспомнил, что всегда хотел записаться в какой-нибудь кружок. В детстве он ходил в кружок радистов и научился там азбуке Морзе. Ему очень понравилось. Он бы пошел и в кружок хоккея на траве, но у них в городе такого нет. А тут ему объявление на столбе как раз попадается. *«Клуб садоводов-любителей “Мохнатая Ель” приглашает энтузиастов на совместные посадочные работы»*. Афанасий Валерьяныч постоял немного у столба. Почувствовал с ним какое-то далекое родство. Он ведь тоже стоит в самой гуще, а почти никем не примечен. Птицы вьют на нем гнезда. Пьяницы пинают. Белки вверх-вниз шныряют по металлическому стволу. *«Столб – робот среди деревьев, – подумал Афанасий Валерьяныч. – Дерево-робот!»* Ему очень понравился его собственный ход мыслей. Он погладил столб и прислонился к нему щекой.

– Холодный, – сказал Афанасий Валерьяныч и пошел записываться в кружок садоводов-любителей *«Мохнатая Ель»*.

Пришел Афанасий Валерьяныч по адресу на самый край города, где никогда раньше не был, и видит: бескрайнее поле, в нем повсюду рытвины, как после бомбежки, и из рытвин круглые попы садовниц торчат. Афанасию Валерьянычу по душе было такое зрелище, и он с особым рвением зашел в ряды садоводов-энтузиастов. Но не так-то быстро... Сладкую пастораль заслонило круглое и красное от долгого пребывания на солнце лицо.

– Вы по какому вопросу? – спросило лицо, оказавшееся, как и попы, женским.

– Вот же, объявление... – Афанасий Валерьяныч оторвал от груди объявление, которое чуть раньше оторвал от столба, чтобы использовать его как карту и наверняка не заблудиться.

Данная часть плана сработала. Влиться же в ряды сажающих деревья энтузиастов пока катастрофически не удавалось. Женщина в платочке и с красным от долгого пребывания на солнце лицом внимательно изучила объявление, как будто это было не объявление, а зашифрованный мандат. Затем она осмотрела Афанасия Валерьяныча с ног до головы,

причем, дойдя до головы, она пошла выше, отчего ее глаза закатылись и придали ей демонический вид.

– Вот смотрю я на вас и вижу, – сообщила она все еще с закатывшимися глазами, и Афанасию Валерьянычу почудилось, что вещает оракул. – Никакой вы не садовод. И уже даже не саженец.

Следом за отказом быть принятым в ряды «Мохнатой Ели» отправился Афанасий Валерьяныч в ботанический сад. По пути заглянул в зоопарк, но надолго там не задержался. Не понравилось ему там. То жираф какой-нибудь норовит сверху лист откусить, то ламы из-за забора боками об него трутся. Ну и пределом терпения стал чей-то пес, коварно обмочивший ему штанину. А потом, уже на выходе из зоопарка, одна девочка закричала, показывая на него:

– Мама, мама! Человек-единорог!

Но ничуть этим Афанасия Валерьяныча не обидела. Даже наоборот. Он хотел ей сказать что-нибудь по-единорожьки, но кроме «му» ничего на ум не приходило. Другое дело ботанический сад. Тишь да гладь, люди все утонченные. Все ко всем на вы. Растения сами расшаркиваются перед посетителями и расстилаются коврами и тропами. Правда, и здесь не обошлось без хамства. Смотритель парка, увидев, что дерево покидает положенное ему рабочее место, решил этому воспрепятствовать.

– Иди сюда, дерево, – приговаривал он, гоняясь по ботаническим тропам за Афанасием Валерьянычем. – Ну-ка вернись на место, кому сказал!

Но тот уже научился удерживать центр тяжести и улепетывал по ботаническим дорожкам что есть прыти. А потом и вовсе вспомнил, кто он, свернул с дорожки и ушел от погони, затерявшись среди себе подобных.

Уже темнело, когда Афанасий Валерьяныч, после богатого на события дня, возвращался домой. Загорелись фонари, окна домов и кафе, подсветки магазинов и киосков. На одном из таких он прочел: СОЮЗПЕЧАТЬ. Из всех букв, правда, горела только одна – Ю, – и Афанасий Валерьяныч, будучи человеком образованным, сразу понял, что обращаются к нему, только по-английски. Подойдя ближе, он увидел обычную вроде картину: на прилавке газетного киоска лежали нераспроданные за день газеты и журналы. Но Афанасий Валерьяныч посмотрел на привычный киоск чужими глазами. И очутился в вольере, где, красиво разложив крылья-страницы, лежали мертвые птицы. И так захотелось им помочь, схватить, вдохнуть жизнь и отпустить в небо, чтобы летели прочь, проливаясь черным дождем из типографской краски...

Поднялся ветер, и ветки сильно окрепшего за день дерева бешено заколотились по витрине киоска, явно намереваясь ее разбить. Афанасий Валерьяныч вандализм, разумеется, не поощрял, но ситуация была непростая, и он стал понемножечку помогать дереву, напирая всем телом на стекло, пока то не поддалось и не треснуло. Тихонечко, как будто лопнул под свитером надувной шарик.

– Ни с места, ветви за спину! – услышал Афанасий Валерьяныч у себя за спиной, но поворачиваться не стал, а сделал все так, как и велел ему голос. Но не стражей порядка, а тот, что выстукивал свое послание дрожью веток по стеклу.

А наутро свежие газеты разлетятся по городу и сообщат новость: прошлой ночью было задержано Дерево, пытавшееся ограбить киоск «Союзпечати».

– И что с ним сделали? – спрашивали те, кто новость в газетах еще не читал.

– Посадили, – отвечали те, кто с новостью уже ознакомился.

– Кого посадили?

– Дерево.

– Какое?

– По-моему, липа.

– Скорее, дуб.

– Или осина.

– Сосна!

– Сама ты сосна, дубина, а куда его посадили?

– Пока в обезьяннике сидит.

– А за что, говоришь?

– Киоск «Союзпечати» пыталось ограбить.

– Кто?

– Кто, кто...

– ДЕ-РЕ-ВО!

16.06-26.06.2020

Амстердам

МОЛОКО

«А вот молока-то я и не взял», – вспомнил я и пошел обратно в магазин. За молоком.

– Зин, а Зин!

– Да чего тебе?!

– Зин, я в магазин пойду вернусь, молоко забыл, может, что еще нужно, Зин? В магазине!

Зина не любит посылать меня в магазин, потому что я все время что-нибудь забываю. Или наоборот: куплю, но не то. Но она меня все равно посылает. И не только в магазин. А я хожу. Потому что люблю ходить в магазин. И Зину.

Вышел я из подъезда, а по дороге навстречу мне идет сосед наш Алик, дальнбойщик. И в руках у него большая трехлитровая банка. И в банке что-то белое налито. Алик поравнялся со мной, поставил банку на землю. Я заметил, что банка сверху накрыта бумажкой и перетянута поверх бумажки резинкой.

– Куда собрался, сосед? – спросил меня дальнбойщик.

– Дык опять в магазин, – ответил я, потому что мы с ним раньше уже виделись, но тогда он был еще без банки, а я пока не знал, что забуду про молоко.

– Забыл что-то? – спросил сосед.

– Угу, – ответил я и посмотрел на его банку. – Сосед, – спросил я у дальнбойщика, – а где такое дают?

Алик стал активно разглаживать свои усы, как бы взвешивая на них, стоит ли ему делиться со мной сокровенным. И то перетягивал книзу левый ус, то правый. Но потом Алик присел, взял в руки банку и, кряхтя, распрямился.

– Пойдем, – сказал сосед Алик, – покажу.

Пока мы шли, Алик рассказывал про свой незапланированный, но затянувшийся, как, впрочем, это у всех и бывает, ремонт.

– Покрасить решил тут недавно батарею, всего одну, на кухне, да разошелся так, что покрасил не только все батареи в доме, но и все двери, окна и стены. Увлекательное занятие, я тебе скажу. Заодно чуть голову себе не покрасил. Во время остановился. – Алик пригладил усы, в свете заходящего солнца – пылающе-алые. – А ты, сосед, ремонт, похоже, давно не устраивал? – поинтересовался Алик.

– С чего ты взял? – задал я с виду безобидный вопрос, но Алик вдруг заметно смутился, как будто понял, что ляпнул лишнего.

– А вот мы и на месте!

Перед нами было совершенно мне незнакомое здание из коричневого кирпича, похожее на биржу или Дом Советов, и я сразу понял, что только здесь и может находиться подпольная точка торговли парным молоком. Очевидно, что где-то там на задворках пасутся священные коровы, подпитываемые

альпийским кислородом и альпийской же травой. А в хитрых подземных лабиринтах Дома Советов нас ждет аудиенция со священнослужителями этого тайного культа. Там мы поучастуем в древнем обряде – пригубим небесный нектар Молочного океана.

Но все произошло совсем не так, как мне представлялось. Не оказалось не только никаких священнослужителей и культов, не было, похоже, и никакого молока тоже. Ну или, по крайней мере, искать его в этом магазине было бы как минимум странно. Поскольку оказались мы, как я сейчас понял по сохранившимся еще с советских времен вывескам, в хозяйственном магазине «Все для дома». Но я не переставал верить в добрый гений соседа Алика. Он же смог раздобыть здесь молоко? Значит, оно здесь есть! Алик тем временем уверенно несся вперед, то и дело оборачиваясь и подгоняя меня, что логично, ведь молоко могло если не убежать, то уж точно скиснуть. Вот мы нырнули в какое-то закулисье, и к Алику подошел очень похожий на него в степени проницательности продавец. Они переговаривались в сторонке, глядя сосредоточенно друг другу в глаза, а потом в эту дуэль взглядов был вовлечен и я. Первым обернулся Алик и многозначительно заглянул мне в душу. Потом то же самое проделал проницательный продавец. И только после этого они подозвали меня к себе.

Мы шли гулками коридорами, открывали тяжелые скрипящие двери, ступали по сырому кафельному полу и в итоге оказались в плохо освещенной комнате, посреди которой стоял большущий бидон.

– На, пробуй! – И продавец вручил мне трехлитровую банку, с которой я, почтительно склонив голову, направился к бидону.

Надо сказать, что команду «пробуй» я истолковал буквально, и когда подошел к бидону и поднял его, вместо того чтобы налить его содержимое в банку, решил сначала пригубить из него напрямую. Приобщиться, так сказать, к первоисточнику. Испить из Святого Грааля. За мгновение до того, как сделать глоток, я почувствовал на себе чьи-то руки. Пройдоха-продавец кричал, вырывая у меня бидон:

– Дядя, полегче! Это ж краска!

Не веря своим ушам, я искал если не опровержения его словам, то хотя бы утешения в глазах своего соседа Алика. Но напрасно.

– Эмульсионная, – подтвердил он и развел руками.

Продавец успел меня остановить вовремя. Глоток я, к счастью, так и не сделал. Но... до рта бидон все же донес. И теперь на месте усов у меня белела печать посвящения в тайный орден Молочного океана.

Выйдя из Дома Советов, я сел на остановке в автобус и поехал за город. Кровь из носа – надо купить молока. И только парного. Никакое другое меня не устроит. По крайней мере, не сегодня. В автобусе прямо передо мной сидела дама с пышной шевелюрой, взбитой, как сливки. Причем головы дамы мне было не видно. Казалось, что над спинкой ее сиденья просто парит облако. Поскольку дама была седовласой, а точнее, серовласой, облако было грозным. Иными словами, над головой моей соседки по автобусу нависла туча. И всю дорогу мне нестерпимо хотелось к ней прикоснуться. Я вспомнил, как еще ребенком, в первый раз летя на самолете, хотел бросить монетку на облака, проверить, удержится ли. Так и сейчас. Мне не терпелось положить что-нибудь на голову даме с облаком, и поскольку все монетки ушли на оплату проезда, наилучшим претендентом мне виделась моя трехлитровая банка, которую я вез на коленях. Пока я старался не поддаваться нелепому порыву, женщина поднялась со своего места, обнаружив под облаком голову и даже все тело. Встав, она посмотрела на меня с таким глубоким сочувствием, что мне стало не по себе. Дама заглянула к себе в сумку, достала кошелек и звонко бросила в пустую трехлитровую банку мелочь. Я благодарно склонил голову и зачем-то перекрестил даму с облаком, хотя никогда особо набожным не был.

А Зинка там, поди, заждалась меня. Думает, я в магазине пропал. А я, Зин, и не в магазине вовсе. Во как оно бывает! Уже ужин скоро, а Зинка сильно не любит, когда я к ужину опаздываю. А уж что будет, если я на него не явлюсь, я и боюсь предположить, потому что никогда раньше проверить это так и не отважился.

– Понимаешь, Зин, – репетировал я про себя объяснительную речь. – Собрался я в магазин, а оказался черт знает где, хотя вон только за пределы города вроде как выехали. А уже – рытвины, бугорки, лешие какие-то в кустах бродят. Одним словом, сказка. Вот-вот должны пойти местные фермеры-предприниматели, торгующие на обочине.

Я пошел поближе к водителю, чтобы попросить его остановиться, как только такого фермера увидим. Не успел я даже заикнуться, как водитель отрезал:

– Не положено.

– Что не положено? – уточнил я.

– Остановки в неустановленных местах. – И он кивнул на мою трехлитровую банку с барахтающей в ней мелочью, которую я трепетно прижимал к груди.

Бабуля открыла банку и ложкой зачерпнула действительно густейшую, блестящую от масел и жизни в ней сметану. Я представил, как намазал бы ее на ломоть ломкого, только из пекарни, душистого и теплого хлеба, и решил, была не была, Зинке скажу, что взял молоко, но так долго добирался, что в духоте и тряске автобуса молоко стало сметаной.

– Но, командир, ты же понимаешь, заправиться надо, – полезло из меня что-то дворовое, и водитель смягчился.

– Вон в том сарае с соломенной крышей спроси бабу Ньюшу, – посоветовал он, останавливаясь в неполюженном месте.

На прощание он ухмыльнулся мне все понимающей ухмылкой и, как мудрый змий, зашипев закрывающимися дверями, унесся прочь.

В сарае с соломенной крышей мне указали на лестницу и велели искать Якова. И тут я понял, что таких соискателей – тьма, и имя им если не легион, то уж чертова дюжина точно. Лестница Якова просто кишела икающими, алкающими алкоголиками. В плавном пьяном танце, с трехлитровыми банками в руках, двумя непрерывными потоками восходили они по лестнице и нисходили по ней. У тех, кто восходил, банки были пусты. У нисходивших в банках была белесая мутноватая жидкость. Я присоединился к восходящей процессии и вскоре предстал пред самим Яковым, или попросту дедом Яшей, как называли его клиенты. Стоило мне войти в его покои, как я был сразу встречен необычным вопросом.

– Вот скажи мне, почему в году всего по одному –

одно лето, одна весна и одна осень, а зим – целых две? – хитро щурясь, спросил меня дед Яша.

Я не нашелся что ответить и поэтому ляпнул:

– Зимой идет снег, белый, как молоко.

Услышав последнее слово, дед Яша нахмурился.

– Молоко, говоришь? А ты сам из каковских будешь?

Тут я понял, что долго комедию не проломаю, и честно признался:

– Понимаете, деда Яша, мне бы молочка... парного...

Дед Яша посмотрел на меня как на юродивого или антиалкогольного активиста.

– Баб Ньюш, иди глянь на это... – сказал он, обращаясь явно не ко мне, но при этом не сводя с меня своих хищных глаз.

Тут же откуда-то из стены на меня уставилась еще одна пара точно таких же ястребиных глазниц. Пару раз моргнув, они снова слились со стеной.

Не ожидая более ничего путного от этой встречи, я стал медленно отступать. Дед Яша никак не реагировал на мое ретирование. Просто смотрел мне в глаза и вращал желваками, явно всем сердцем меня ненавидя. Отступая задним ходом, я аккуратно вписался в дверной проем и уже думал, что невзгодам моим конец, но неожиданно спиной навалился на уже одной ногой спустившегося вниз по лестнице коллегу. Его шаткие ноги не выдержали моего дополнительного веса, и мы кубарем, вовлекая в него остальных уважаемых лиц, как нисходивших, так и поднимающихся по лестнице Якова, аки домино попадали сначала на лестницу, а потом и на пол. Разумеется, были среди нас и эквилибристы высочайшей пробы, коим удалось, сгруппировавшись, спасти своего грудного малыша, – среди них я, тем более что и малыш мой лишним весом обременен не был, – но у большинства, конечно, и так горько расстроенных жизнью, и вовсе все повалилось из рук. Билось стекло, текла рекой самогонка, рванина, что называется, гуляла вовсю. Не это ли мечта поэта? Но посетители уважаемого заведения так не считали. Вся лестница Якова объединилась вдруг в один ненавидящий меня взгляд, в однородную урчащую массу, и эта масса, медленно, насколько позволяло здоровье, смрадной стеной поползла на меня.

Если б алкаши умели бегать, я несомненно был бы растерзан. А так, даже с банкой в руках, я ушел от них как заправской спринтер, дребезжа мелочью, как бык колокольчиком. Иногда оборачиваясь, я видел, как некоторые из них еще продолжали по инерции ползти за мной вслед, но большинство отставало, кто-то, обессилев без эликсира, падал и уже не вставал. А впереди, прямо у дороги, на обочине,

Цыганка вдруг схватила меня за пах, потом так же внезапно коснулась моего лба, чем, словно нажав нужные кнопки, ввела меня в оцепенение, а дальше, уже совершенно беспрепятственно, стала шарить по моим карманам. Я видел, как она той мартышкой из охотничьего трюка жадно залезла рукой в банку, что я услужливо держал перед ней, соскребла всю мелочь со дна, но, в отличие от подопытной мартышки, легко смогла вынуть из банки кулак с зажатой добычей. На прощание цыганка еще разок хватанула меня за пах, чем, похоже, расколдовала меня.

сидела, подбоченившись, старушка в платочке. Рядом с ней на детском столике, аккуратно накрытом клеенкой, стояла такая же, как и у меня, трехлитровая банка. Только полная до краев чем-то маняще-белым. Как снег, будь он неладен.

– Бабуль, почем молочко? – заорал я от счастья уже издали, но бабуля меня не расслышала, а только лодочкой приложила руку к уху.

– С утра раскупили все молочко, сыночек, что ты! – ответила она, когда, подойдя ближе, я повторил

вопрос. – А если б и оставалось что, так оно само в сметану бы уже превратилось, хе-хе-хе, – неожиданно засмеялась старушка в платочке, как разглядел я вблизи, из той же клеенки, что и ее скатерть. – На вот, попробуй, сметанка густая, жирная, аж блестит!

Бабуля открыла банку и ложкой зачерпнула действительно густейшую, блестящую от масел и жижи в ней сметану. Я представил, как намазал бы ее на ломоть ломкого, только из пекарни, душистого и теплого хлеба, и решил, была не была, Зинке скажу, что взял молоко, но так долго добирался, что в духоте и тряске автобуса молоко стало сметаной. Я полез за кошельком и понял, что кошелька нет! Наверное, выпал, пока я кувыркался с пьянчужками... Как ни просил я старушку войти в мое положение, как ни живописал свой побег от псов Якова, старушка была неумолима. Более того, поняв, что денег у меня нет, она из благодушной старушки преобразилась в старушку бездушную и замукала на меня, как на противного голубя:

– Шу! Шу! Пшел отседова, кому говорю! Шу-у-у!

Ну я и пошел, а что еще оставалось делать? Не хватать же банку со сметаной и бежать прочь... «Еще не так поздно, – думал я, – сейчас сяду в автобус, благо есть мелочь, как раз на проезд хватит, спасибо женщине-облаку, доеду до магазина, а Зине расскажу все как есть. Чистейшую правду! Она ведь у меня хорошая. Она поймет. Зина знает, что магазин и я – стихии разного толка. Но иногда мы сходимся. Как будет и сейчас, когда я дойду до автобусной остановки... и встречу там цыганку». Я увидел ее издали. И уже тогда понял, что ехать она никуда не собирается. Один автобус она пропустила уже при мне. Да и всем своим видом давала понять, кружа вокруг остановки, что не путник она на этой дороге.

– Мужчинка, иди сюда, что расскажу. Все знаю, все вижу. Мне гадать-угадывать не надо. И в карты смотреть не буду. Все знаю. Все вижу и без них.

Цыганка вдруг схватила меня за пах, потом так же внезапно коснулась моего лба, чем, словно нажав нужные кнопки, ввела меня в оцепенение, а дальше, уже совершенно беспрепятственно, стала шарить по моим карманам. Я видел, как она той мартышкой из охотничьего трюка жадно залезла рукой в банку, что я услужливо держал перед ней, соскребла всю мелочь со дна, но, в отличие от подопытной мартышки, легко смогла вынуть из банки кулак с зажатой добычей. На прощание цыганка еще разок хватанула меня за пах, чем, похоже, расколдовала меня.

– Все знаю, все вижу, – приговаривала она, растворяясь за остановочной будкой, и в этом по-

лусне мне привиделось, что из-под ее цветастых юбок высунулось черное лицо цыгана с редкой, как у попа, бородой.

Все, что ни случается, все к лучшему! Ведь, поедь я сейчас в магазин, так пока добрался бы до него, пока отстоял бы там очередь, и только на кассе вспомнил бы, что кошелька-то у меня и нет! Так что цыганка, можно сказать, избавила меня от лишних хлопот. А раз ехать мне некуда, то пойду пройдусь! Я ведь обожаю вечерние прогулки на свежем воздухе. Вон и поле бескрайнее за остановкой начинается, красота да раздолье! Как пионер на картошке, высоко поднимая колени, зашагал я по кочкам и кротовым норам, все больше погружаясь в ночь и крепко прижимая к груди ставшую мне такой родной трехлитровую банку. И вдруг из темноты прорезались два огромных одичалых глаза. Я с испугу подумал, что это баба Нюша меня нагнала, мстить за нелюбовь к ее напитку, но нет. Это была корова! Судя по виду, священная! Корова напоминала индийского аскета-отшельника, заплутавшего после недавнего перевоплощения. Тощая до костей, вся нелепая и перекобоченная, словно отсидела себе конечности под деревом Бодхи, она смотрела на меня одновременно жалостливо и благородно. Как будто жалела, что мне недосыгаемы ее духовные высоты. А я тем временем решил не упускать случай. Осторожно, чтоб не спугнуть дикого зверя, я поставил банку под ее обвисшее вымя и стал, как звонарь, дергать святые сосцы. Корова протяжно и жалобно замычала и посмотрела на меня большими круглыми глазами так, будто интересовалась, не сошел ли я с ума. Но я не сдавался! Продолжая свои нехитрые упражнения, я добился того, что моя банка наполнилась почти на треть мутной жидкостью, страшно напоминавшей ту, что я видел у деда Яши. В знак благодарности я погладил костлявый бок священной коровы, но она, как ошпаренная, припустила в ночь с неожиданной для коровы-отшельника прытью.

«Все-таки удалось! – думал я, глядя на плескавшееся на доньшке банки подобие молока. – Разумеется, не все, и не совсем так, как задумывалось, но отрицать общий успех предприятия было бы глупо». Счастливый, я шел по полю, а низко надо мной светила большая и белая, как снег, полная Луна. Я ступал по освещаемому ей Млечному Пути и так, доверившись ей, вышел прямо к дому. У дверей я опустил голову и увидел, что на дне трехлитровой банки плавает Луна.

– Что это? – спросила Зина на пороге, увидев банку, которую я протягивал ей.

– Я принес тебе Луну, – ответил я.

Зина повела носом и поинтересовалась:

– А почему так спиртом несет?

Никто и никогда раньше не дарил Зине Луну. Пусть она и хмурилась, но внутри была очень счастлива, по-детски. Когда весь дом заснул, Зина стерла остатки краски под его носом и спросила:

– С Луной целовался?

И заходила их кровать, и забилась железной спинкой о стену, так что сосед Алик за стеной отметил про себя, что кровать: а) давно не смазанная; б) слишком разболтанная, не мешало бы подтянуть гайки. А в окна к ним всем беззастенчиво заглядывала своим большим белым глазом Луна, нависшая так низко над домом, и так высоко – будто на стеклянный стол там над нами поставили стакан молока.

1.07-7.07.2020

Амстердам

ПРАЗДНИК

Маме

С его женой я, конечно, была знакома. Мы были не только соседи по дому, но еще и коллеги. Поэтому когда вдовец Валентины Виталик пожаловал ко мне в гости и объявил, что собирается устроить праздник в честь ее годовщины, я не сильно удивилась.

– Ну какой там праздник... – поправился он. – Так, посидим, помянем...

В ходе нашей неторопливой беседы выяснилось, что сосед явился вовсе не для того, чтобы позвать меня в гости, как я грешным делом подумала сначала. Он наоборот – пришел напрашиваться!

– Ты только подруг собери, ну и на стол что-нибудь накрой, чтоб поскромнее... – даже не напрашивался, а вполне себе уже запросился и диктовал свои условия он.

– А ты холодец ешь? – опешила я от собственного вопроса.

– Ем, ем, – рефлекторно задвигал челюстью Виталик. – И рыбки еще возьми, красной. Ну и салатики там всякие. Сок.

Он смотрел чуть поперек моей головы, вспоминал, не забыл ли чего еще, а я искренне надеялась, что там, куда он сейчас смотрит, появится черная прореха и засосет его вместе с его праздником.

– А вино, водку? – потянул меня какой-то бес за язык.

– Ну а как же без них? Возьми по бутылочке и того и другого.

Он уже собирался уходить, дошел до дверей, но развернулся, взялся за козырек своей кожаной водительской кепки.

– И ты знаешь, Люсь, – он сделался одновременно домашним и жалким, как пес, искавший новый дом, – боржомь еще возьми, а? – попросил он и весь сморщился, изображая дискомфорт. – А то последнее время рези в животе мучают, как думаешь, что это может быть?

Готовясь к застолью, я ходила по магазинам, как в тумане. Выбирала подолгу продукты, долго не могла понять, для чего мне в руке банка сметаны или консервированная брюква. Потом вспоминала Валентину. А потом и Виталика. И все становилось на свои места. Насколько это возможно. А потом в магазине появился и сам черт. Не уверена, что он не следил за мной все это время, потому что, выскочив откуда-то сбоку, как из табакерки, Виталик стал вкрадчиво объяснять, почему все выбранные мной продукты непригодны для нашей общей цели и должны быть заменены на те, которые он, так уж и быть, мне сейчас услужливо укажет. Мы прошли с ним по рядам, где он трепетно складывал в мою тележку все необходимые ему вещи.

– И водичку, главное, не забыть. Как раз, смотри, по акции.

Нет, возникала, конечно, мысль плавленые сырки по блюдечкам разложить, сушки в хрустальной вазе подать, да самовар достать с антресоли и поставить. **Натуральный, с сапогом.** Чтоб был ему его праздник. Но потом перед гостями стало неудобно. В итоге провозилась пару дней с холодцом. И на разных стадиях его приготовления меня неожиданно, как укол в сердце, посещал настойчивый вопрос: «А чего это я? Какой-то праздник на носу? К чему готовлюсь?» И вспоминала... И про Виталика, и про Валентину, земля ей пухом... В назначенный день и час первой явилась соседка с лестничной клетки, из квартиры напротив. Вот как ее квартира – напротив, так и она сама – полная мне противоположность. Из дома нос почти не кажет, зато где я была, знает лучше меня самой. Стоит только дверной ручки коснуться, как она уже кричит из-за своей запертой на семь засовов двери: – Люсь, ты в магазин пошла? «Да пошла, пошла, от тебя куда подальше лишь бы», – думаю про себя. А вслух ей говорю сладким голосом: – В магазин, Элечка, в магазин, тебе взять что-нибудь? Лицо у Эли круглое, как тарелка, и на ней, как яичница, два вечно удивленных глаза. Вылитая сова. – Ну что? Ты первая, похоже, будешь, – говорю ей, встречая. А она по-своему, по-совиному мне в ответ: – Угу. А потом пришла Сима. Пряником из бассейна. Сима самая спортивная из нас и самая моложавая. Ну то есть как моложавая, на десять лет меня младше, вот и моложавая.

Виталик добавил к почти доверху наполненной тележке упаковку из 12 бутылок минеральной воды «Боржоми». Про себя я, конечно, не сомневалась, что автомобиль Виталика припаркован рядышком и ждет нас, чтобы довести эту гору продуктов до дому. Но как же я ошибалась. Уже подходя к кассам, Виталик вдруг оживился и стал вращать головой и шмыгать носом, что твой суслик, почуявший то ли опасность, то ли добычу.

– Ну, я побежал, а ты смотри, воду сильно не взбалтывай, а то самый настоящий гейзер получится. Будет у нас застолье с фонтанами, как в саду Тюильри, – захихикал он и исчез.

Нет, возникала, конечно, мысль плавленые сырки по блюдечкам разложить, сушки в хрустальной вазе подать, да самовар достать с антресоли и по-

ставить. **Натуральный, с сапогом.** Чтоб был ему его праздник. Но потом перед гостями стало неудобно. В итоге провозилась пару дней с холодцом. И на разных стадиях его приготовления меня неожиданно, как укол в сердце, посещал настойчивый вопрос: «А чего это я? Какой-то праздник на носу? К чему готовлюсь?» И вспоминала... И про Виталика, и про Валентину, земля ей пухом... В назначенный день и час первой явилась соседка с лестничной клетки, из квартиры напротив. Вот как ее квартира – напротив, так и она сама – полная мне противоположность. Из дома нос почти не кажет, зато где я была, знает лучше меня самой. Стоит только дверной ручки коснуться, как она уже кричит из-за своей запертой на семь засовов двери: – Люсь, ты в магазин пошла?

«Да пошла, пошла, от тебя куда подальше лишь бы», – думаю про себя. А вслух ей говорю сладким голосом:

– В магазин, Элечка, в магазин, тебе взять что-нибудь?

Лицо у Эли круглое, как тарелка, и на ней, как яичница, два вечно удивленных глаза. Вылитая сова.

– Ну что? Ты первая, похоже, будешь, – говорю ей, встречая.

А она по-своему, по-совиному мне в ответ:

– Угу.

А потом пришла Сима. Пряником из бассейна. Сима самая спортивная из нас и самая моложавая. Ну то есть как моложавая, на десять лет меня младше, вот и моложавая.

– Ой, вы знаете, в бассейне столько народу сегодня, – сообщила она нам с Элей с порога. – И этот волосатик снова приперся. – Сима поставила сумку с купальными принадлежностями на пол, разулась. – Я, значит, плаваю себе, лавируя среди всех этих парочек, которые на берегу не наговорились, думаю, хорошо хоть волосатика сегодня нет. И вы знаете, Люся, вот только это про себя подумала, поворачиваю голову, и волосатик мой плывет на соседней дорожке! Толстенький, морда так и светится, лысенький наполовину, а сзади этот жиденький, жирненький хвостик за ним по воде волочится. Ей-богу, один в один крысиный. Вот как увижу его, тут же хочется подплыть и ножницами его чик...

Я на стол как раз накрывала, мимо холодец проносила. Сима брезгливо посмотрела на густое желе, в котором, как в невесомости, зависли куски волоконистого мяса и хрящей.

– А где ваш мужчина? – спросила меня Сима.

– Чего это он мой? – стала оправдываться я. – Вот-вот должен подойти. Всегда точно вовремя приходит. Как будильник.

Заскреблись в дверь. А до этого послышалось характерное шарканье и шлепанье тапок, которые всегда предвещали появление Риммы, соседки сверху. Совсем беззубая, она питала теплые чувства к моему холодцу, который, хоть тщеславие и грех, но всегда получался у меня особенно мягким. Римма курила папиросы, которые вставлялись в ее рот как влитые, словно это не рот, а мундштук. Общаясь с его помощью, Римма издавала шипящие и свистящие звуки, которые поднимались откуда-то из глубин ее черного смолянистого естества.

– Кому петь, кому пердеть, – элегантно просипела она и прошла к столу.

– Етить ты! – вырвалось с испугу у меня, а миска полетела из рук.

Она была железной и пустой. Поэтому, упав на пол, миска просто покрутилась немного, как половинка полого мира, и встала. За секунду до этого я почувствовала затылком чье-то присутствие и обернулась, ожидая увидеть там кого-то из только что прибывших гостей. Но вместо них я увидела Виталика, который никак свое прибытие не анонсировал. Он просто вырос посреди кухни, прямо под люстрой, как будто его был спроецирован, в своей неизменной кожаной кепке, как гриб-боровик после дождя.

– Я тут тортик принес, – доложил он и протянул мне целлофановый мешочек. – Точнее, тортики раскупили. Сушки вот взял.

Римма уже давно проживала не на одном с нами этаже. Пару лет назад, когда ей перевалило за 80, Римма как бы переехала в мезонин, этот полужэтаж, надстройку над миром. И вот она была еще с нами, но уже чувствовалось, что суть ее ускользает и потихонечку переносит вещи наверх, в преддверие неба, оставляя недоумевающему жильцу голые незнакомые стены. Я поняла это, когда Римма пожаловалась на голову, которую стала видеть по ночам на подоконнике. Нет, голова ее особо не беспокоила. Римму вообще было трудно обескуражить. Представляю, как она сидела в свете полной луны и обкуривала увидевшуюся ей голову своей махоркой. Зато мне от ее рассказов надолго становилось не по себе...

– Так, ну что, ухнули, тронулись? – засуетился Виталик.

Все сели за стол, а Римма, и так за ним сидевшая, наоборот встала и, выпустив густое облако дыма, проклокотала:

– А именинник где?

Я, как хозяйка, поспешила снисходительно ее поправить:

– Риммушка, нету именинника, нет.

– Все ясно, значит, опять кого-то хороним...

Неловкое молчание нарушила Сима.

– Нет, мир, конечно, полон необъяснимых чудес! – заявила она, а мы все приготовились слушать. – Вот был у нас случай – мы всем садовым коллективом высадили брюкву. А повыврасталась у нас – репа!

Сима была не только спортсменкой, но и садоводом-любителем. Ничего путного, правда, в ее огороде не росло, но Сима об этом, похоже, не догадывалась.

– Так, может, вы просто репу все повывсаживали? – подала голос Эля-Сова.

Дело шло к ночи; видимо, наступало время охоты.

– Да нет же, Эля, ну написано же черным по белому на пакетиках – се-ме-на брю-квы! – с легким раздражением выдавила из себя Сима.

– Так мало ли что там написано? – хлопала глазами Сова.

– Репа и брюква, – захрипела миротворец Римма, – это как хрен с горчицей. Всегда вместе, хоть и порознь. – Она намазала на свой кусок холодца толстейший слой горчицы, а сверху нанесла такой же щедрый пласт хрена. – За народное единение! – то ли предложила она тост, то ли просто брякнула, но все на всякий случай, не чокаясь, выпили.

Виталик как-то очень быстро захмелел и загрустил. Сидел, повесив нос, ковыряя при этом вилкой свой кусок холодца. Вдруг, не поднимая носа, он поднял рюмку и задумчиво забурчал в тарелку:

– Холодец – он ведь как этот мир, вот как это вот все. – Он обвел рукой с рюмкой круг. – Такое же непонятное... желе...

– Что, не получился в этот раз холодец? – хотелось мне до конца уяснить ход мысли Виталика.

– Говорит, все – жэлэ... – попыталась помочь Виталику Сима.

– А мы в этом желе, как мухи, – продолжал Виталик, – застряли, ползаем...

– Так застряли или ползаем? – хотелось все же ясности мне.

– Вот чего прицепились? – взревела Римма. – Говорит вам человек, что мух терпеть не может, а вы ему долдоните про какое-то там жэлэ! Виталик, я тебя понимаю. Мухи – дерьмо!

Виталик сразу же воодушевился, найдя единомышленников, и пересел поближе к Римме. Говорили они, похоже, о совершенно разных вещах, но на

одном языке – раненого толпой сердца. Эля-Сова смотрела своими глазами-яичницами на все происходящее, как на очень странный спектакль, а потом тихо сказала себе под нос:

– И нас ведь тоже, поди, кто-то жрет...

Когда гости расходились, Сима отвела меня в сторонку.

– Вы, Люся, о-о-очень хороший человек. – И стала проникновенно и как-то по-партийному трясти мою руку. – Виталик! – закричала она. – Как его отчество? Виталик Виталикович! Вы в надежных руках!

– Тьфу, дура... – не выдержала я.

Развеселившуюся Симу кое-как удалось нейтрализовать. Сова стояла в углу, моргала глазами, искала момент ушмыгнуть в свое логово. В руках она держала добычу ночи – тарелку с холодцом.

– Люся, можно я с собой заберу, дома доем?

– Забирай, Элечка, забирай. Хочешь, сушек еще возьми?

Подойдя попрощаться с Виталиком, Сова вдруг уронила голову тому на плечо.

– Как же быстротечна наша жы-ы-ы-ызьнь! – завывала она. В молодости Сова играла в театре и драматические навыки у нее сохранились.

Последней встала из-за стола Римма.

– А где молодожены? – И выпустила серое едкое облако.

Ну вот, вроде как все разошлись. А куда делся этот шкет в кепке? Только что тут был... Наверное, ушел так же, как и явился, – встал под лампу, да и того, катапультировался на свою планету Плюк. Я пошла мыть посуду, и вдруг смотрю, а он в спальне на моей кровати разлегся! Как был в одежде, даже свою кепку не снял. Ну, думаю, пусть маленько полежит, оклемается.

– Лю-юсь, – слышу с кухни, кричит. – Люсь, принеси боржомчику, будь добра, что-то меня от холодца твоего совсем скрутило...

Ишь, холодец ему мой еще не понравился, во дает... Может, подсыпать ему что, в этот боржом его? Да что я ему туда подсыплю? Разве что слезы свои... Принесла ему воды, а он в плед, как в кокон, уютно укутался, лежит, только кепка сверху торчит, ну вылитый желудь! Делать нечего, пусть лежит, прорастает. Главное, чтоб корни тут не пустил... А я пойду на кушетке лягу... Только посуду сначала дою, а то целая раковина вон накопилась, откуда только, ума не приложу...

16.07.2020

Амстердам